

Я.А.Пляйс
доктор исторических
наук, профессор
Финансовой академии при
правительстве РФ

РОССИЯ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ

Тема, поднятая в статье В.Штоля “Национальная идея или национальная идеология?”, опубликованной в №10 журнала “Обозреватель–Observer” за этот год и то внимание, которое журнал оказывает идеологической тематике вообще, заслуживает всяческой поддержки и одобрения. Хотя бы потому, что без идейного компаса мы не сможем преодолеть нынешнюю Смуту.

Компас, о котором идет речь, есть ни что иное как современная политическая идеология.

Но чтобы преодолеть Смутное время, одной идеологии недостаточно. Нужна еще мощная политическая сила, которая, руководствуясь этой идеологией, убедила бы большинство населения в ее правоте и была бы способна повести его за собой. Такая сила еще не сформировалась и трудно представить себе, что она сформируется в скором будущем. Ситуация осложняется также тем, что разуверившись в коммунистической теории и практике, а затем и в ценностях новорусского либерализма, российское общество в основной своей массе деидеологизировалось, или, точнее говоря, разуверилось в необходимости и возможностях любой идеологии.

Кроме этого обстоятельства, есть, по крайней мере, еще два других, которые также усложняют ситуацию.

Первое из них то, что в идеологическом многоцветьи последних лет ориентироваться не проще, чем в густой чаще в вечерних сумерках. Чтобы не заблудиться окончательно, многие предпочитают не двигаться, пока не рассветет и поэтому не торопятся отдавать свои симпатии какой-либо идеологии и партии.

Второе обстоятельство связано с тем, что утверждение какой-либо идеологии в сознании людей требует не только длительного времени, но и мощной системы ее внедрения, в том числе через систему образования, различные средства массовой информации и т.д. И тут возникает вопрос: какую идеологию или какие идейные ценности внедрять в общественное сознание? Чтобы не повторять ошибок советской эпохи, когда *все* сферы общественной жизни были подчинены одной единственной коммунистической идеологии, нам, как мне представляется, предстоит деидеологизировать сферу экономики и экологии, политическую сферу (как внутреннюю, так и внешнюю) придется оставить за доминирующими политическими идеологиями, а духовную сферу, в том числе сферу воспитания, предоставить общегуманным ценностям.

В общем нам предстоит пройти через сложную идеологическую трансформацию.

Тем более, что в отличие от социалистической эпохи, когда безраздельно господствовала одна идеология, современных политических идеологий и крупных политических сил должно быть, на мой взгляд, как минимум две, чтобы обществу было из чего выбирать, чтобы регулярно работал политический маятник, не позволяющий идеологиям и силам, их исповедующим, застаиваться, вынуждающий их постоянно совершенствоваться и развиваться.

С учетом сказанного цели, которые автор статьи ставил перед собой, состоят, во-первых, в том, чтобы кратко раскрыть генезис национальной идеи и, во-вторых, в том, чтобы показать, как в нашей сегодняшней жизни формируются некоторые основные политические идеологии, какие главные силы за ними стоят. Для начала речь пойдет об идеологиях правых сил. Что касается идеологий сил левого спектра и центра, то это – темы для отдельного анализа.

ЧАСТЬ I. Русская национальная идея в прошлом и в наши дни

Уважаемый В.Штоль, конечно, прав, утверждая, что наша политическая элита попытавшаяся подменить понятие “национальная идеология” понятием “национальная идея”, потерпела фиаско. Прав он и в своем выводе: Россия нуждается и в национальной идее (точнее, идеях) и в национальной (точнее, общенациональной) идеологии.

Но тема эта требует дополнительного разъяснения и уточнения. Прежде всего попытаемся разобраться с национальной идеей. Без экскурса в нашу историю тут не обойтись. И с самого начала этого экскурса необходимо обратить внимание читателя на то, что *содержание национальных идей в прошлые эпохи коренным образом отличалось от содержания современных национальных идей*. В далекие исторические времена национальные идеи были не только крупномасштабными и в буквальном смысле судьбоносными, но, кроме того, имели религиозно-философскую основу и обладали ярко выраженным мессионерскими устремлениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить некоторые вехи российской истории.

* * *

После принятия православия Русь, как известно, обрела не только веру, но и идеологию, ставшую со временем также идеологией для общества (нации) и идеологией для государственной власти. Несмотря на это, потребность в национальной идее время от времени возникала вновь. Чем это можно объяснить? На мой взгляд, тем, что *при любом качественном изменении ситуации в стране, будь-то кризис, война, революция, радикальная смена властей и прочее, прежняя национальная идея утрачивает свое значение мобилизующей и интегрирующей силы для всего общества и уже не может быть*

средством решения общенациональных задач. Теряя свою роль инструмента борьбы правящей элиты за сохранение власти, старая идея становится непригодной, что приводит к необходимости искать новую оригинальную идею. Доминирующая или государственная идеология при этом может оставаться прежней. В подтверждение вспомним, как это происходило в нашем далеком прошлом.

По мнению некоторых российских исследователей, основы русской идеи были заложены митрополитом Иларионом (сер. XI в.), Никоном Великим (умер в 1088 г.) и Нестером (1050-е гг. – начало XII в.). Первый был отцом *концепции исторической судьбы России, как соединения двух значимых и соотносящихся друг с другом планов развертывания истории. Первый план – универсальный – в целом следует общехристианским канонам с выделением двух ключевых моментов: издания Закона Моисеем и явления Благодати и Истины во Христе. Второй план – русский. Он отмечен прямым переходом от состояния до Закона к состоянию Благодати и Истины во Христе.* По мысли Илариона, переход этот совершился не сам собой, а благодаря подвижничеству Владимира Святого. Результатом перехода был выход Руси на позиции цивилизационного лидера в силу ее обновления и способности воспринять и воплотить идею цивилизации (христианства) в наиболее чистом и совершенном виде.

Формула Илариона органически пронизала русское самосознание, закомплексованное на идее одновременного вступления в мировую историю и преодоления идеи “всемирного служения”, принесения себя в жертву (православию, Европе, коммунизму, цивилизации и т.д.).

Геополитическая формула русской судьбы показана прежде всего в “Повести временных лет”, автором которой многие исследователи считают Никона Великого. В этом произведении Русь изображена в движении, которое направлено и на свои края (Украины) и на внешние страны. Цель движения – соединить, сконцентрировать всех в общем “острове”, состоящем из своего рода концентрических кругов. Основу этих кругов составляет внешняя (впоследствии великая) и внутренняя (малая) Русь. Плоть Руси образована градами и весями, сами по себе подобные и Руси Малой и Руси Великой, или самодостаточные острова-оазисы с безмерно далеко протянувшимися концами.

Видными выразителями русской идеи были также Владимир Мономах (1053-1125 гг.) и Олег Святославич, прозванный Гориславичем (умер в 1115 г.).

Идея Мономаха выражалась *в стремлении к единству русской земли, раздробленной на удельные княжества, на наследственные вотчины, фактически превратившиеся в независимые государства. Единство русской земли, по мысли Мономаха, должно достигаться через единство княжеского рода, скрепляемое взаимными обещаниями и клятвами князей, подтвержденными целованием креста.*

Олег Святославич видел смысл жизни русского народа *в экспансии на юг*. Участвуя во многих княжеских междоусобицах, Олег не гнушался и помощи половцев, но затем (в 1107 и 1113 годах), следуя своей идее, выступал против них и отразил их нападение.

Идея экспансии Руси, России на Юг, Восток, Запад в том или ином виде, в той или иной интерпретации, под тем или иным предлогом всегда присутствовала во внешней политике московских или петербургских правителей, как одна из центральных. К этому побуждали и важные объективные обстоятельства, в частности – постоянные нашествия и войны, которые приходилось вести то на Юге, то на Западе, то на Востоке. Укрепление безопасности страны на всех этих направлениях посредством продвижения к труднопреодолимым для противника границам – морям, океанам, широким рекам, горам – было одной из важнейших задач Российского государства на протяжении всей ее истории.

В этом движении во все стороны света и связанном с ним освоением новых территорий, налаживании отношений со многими народами, культурами, религиями нужна была новая национальная идея или, если угодно, философия жизни народа и государства. Она была сформулирована старцем Филофеем (около 1465–около 1542 гг.) во втором и третьем десятилетии XVI века. Развивая образ митрополита Зосима “Москва – Третий Рим”, в общих чертах намеченный им в пасхалии “на осьмую тысячу лет” (1492 г.), Филофей создал вполне *отчетливую концепцию эволюции и преемства православного царства*. В ней он намечает *логику поэтапного отпадения от православия “порченных членов” и обретения тем самым оставшимися “сугубой чистоты с объединением в единое царство” Великого князя Василия*. Но речь у Филофея идет не столько об империи, сколько о цивилизации и именно христианской. Он фактически развивает формулу русской *Благодати, избранничества Руси во всемирном христианском служении, об особой миссии или роли “богоизбранной” Руси в христианском мире*.

Исследователи давно спорят о том, является ли концепция Филофея теократической или она легла в основу официальной светской государственной политической идеологии XV в., несла ли в себе некий агрессивный экспансионистский заряд или, наоборот, прогнозировала освободительные тенденции. Не вдаваясь в этот спор, отметим лишь, что как бы ни интерпретировать концепцию Филофея, скрытый теократизм в ней, безусловно, присутствует, поскольку государь в ней предстает орудием православной церкви в ее всемирно-исторической миссии.

Новая мифология цивилизационной миссии России формируется в эпоху Петра I, сама фигура которого – “отца Отечества”, Императора Всероссийского, Петра Великого равнозначна новому Владимиру. *Новая формула вновь указывает на чудесный прорыв из крайней отсталости на вершину прогресса, достигнутый благодаря исключительной прозорливости мифологического героя. Место христианства и византийской теократии в*

этой новой мифологии занимает просвещение и совершенное государство, построенное по западному образцу, но основанное на абсолютной власти монарха.

Просветительский комплекс способствовал постепенному развитию идей мессианского предназначения России служению человечеству, что находило конкретное подтверждение не только в теоретических спорах западников и славянофилов, но и в конкретной внешней политике России как XVIII, так и XIX в.

Но если в предыдущие века эта идея была связана, как правило, с православием или с особым (соборным, коллективным) укладом жизни русского народа, то в XX веке в основе мессианской идеи Советской России и СССР лежал марксизм-ленинизм.

По мнению многих исследователей, реальный коммунизм был бы невозможен без опоры на русскую идейную традицию как оборонительное начало, без опоры на всечеловечность, на альтернативность, выступающую доминантой общероссийской цивилизации. Третий, Коммунистический Интернационал стал новым воплощением идеи Третьего Рима, трансформацией национального мессианства.

Такова краткая история трансформации национальных идей Руси, императорской России и СССР в прошлые исторические эпохи. А как эти идеи выглядят сейчас? Коротко говоря, значительно более приземленно.

* * *

За три с лишним года, прошедшие после выхода в свет Указа президента России о формулировании национальной идеи, таких идей было предложено множество и на любой вкус. Высказывались они в самых различных изданиях, как в периодической печати так и в специальных брошюрах и книгах. Отдельные издания, например “Российская газета”, провели даже конкурс под названием “Идея для России”. В апреле 1998 г. этому конкурсу был подведен своеобразный итог, во время которого выяснилось, что общее число публикаций на эту тему только в этой газете, начиная с 30 июля 1996 г., было 202. Из них в 171 публикации содержались элементы формулы национальной идеи. Основные элементы этой формулы выражены в таких понятиях как “Нравственность”, “Народность”, “Патриотизм”.

Кроме идей с ярко выраженной нравственной, этической основой, в печати было высказано немало таких идей, содержание которых связано с экономикой, экологией, внутренней и внешней политикой и т.д. Некоторые из них упоминаются в статье В.Штоля и повторять их нет необходимости. Замечу только, что далеко не все эти идеи, представленные читателям как национальные, действительно могут называться такими, поскольку либо масштаб не тот, либо направленность не та, либо содержание не дотягивает. Разве можно считать национальной идеей решение какой-нибудь (пусть даже весьма оригинальной) конкретной экономической задачи, например, налаживание производства нового сварочного аппарата или новой марки цемента и т.д. В

осуществлении национальной идеи так или иначе должна участвовать вся нация, вся страна и только в таком случае она может быть названа национальной.

Тем не менее, многие из предложенных идей вполне могут и даже должны быть взяты на вооружение и со временем реализованы. С этой точки зрения поиск национальной идеи не был напрасным и безрезультативным. Но еще раз повторю: национальная идея, даже самая масштабная, по сути своей не может заменить собой национальную идеологию.

ЧАСТЬ II. На идеологическом перепутье

Иначе, чем с национальными идеями, дело обстоит с национальными идеологиями. Во-первых, потому, что их разработка это дело значительно более сложное и длительное, чем формулирование национальных идей. Во-вторых, потому что их создание под силу лишь группам или коллективам специалистов (за исключением случаев, когда этим занимаются выдающиеся мыслители-гуманитарии, которые нередко вносят решающий вклад в возведение фундамента и самого здания идеологии). В-третьих, потому, что национальная идеология может стать таковой, только в том случае, если она будет признана нацией, станет компасом и одновременно тканью ее жизнью, существенной, если не важнейшей частью мировоззрения большинства населения страны. Быстро и просто это, разумеется, не происходит.

Вероятно, по этим причинам идеологии, претендующие на то, чтобы называться национальными, стали появляться в России сравнительно недавно. Еще два-три года тому назад за необходимость в таких идеологиях выступали редкие единицы, а теперь открыто говорят повсеместно.

Но идеологий, действительно соответствующих общенациональному масштабу, в сегодняшней России не так много, хотя заявлений политических партий о наличии у них собственных идеологий довольно много.

Здесь необходимо сделать одно замечание общего характера. Состоит оно в том, что *в России судьба политических идеологий издавна складывалась непросто*. Зародившись значительно позднее, чем на Западе (главным образом по причине социально-экономического и политического отставания нашей страны), такие идеологии начали формироваться лишь в последней трети XIX века. Процесс заметно ускорился в период между двумя буржуазно-демократическими революциями, а активное партстроительство, начавшееся в период первой революции, потребовало усилить внимание к различным идеологиям. Но Октябрьская революция прервала этот процесс, и возобновился он лишь после крушения однопартийной советской системы.

Нескольких лет было, разумеется, недостаточно, чтобы процесс формирования новых идеологий приобрел более или менее законченный вид. Они все еще преодолевают этап

поиска своей идентичности. Несмотря на это, можно уже говорить о том, что *общие контуры* основных идеологий просматриваются. В частности таких, как либерализм и консерватизм.

Учитывая, что именно эти идеологии принадлежат к числу наиболее распространенных и влиятельных в современном мире, рассмотрим, как они выглядят в интерпретации современных российских идеологов.

Современный российский либерализм

Идейным отцом современного российского либерализма по праву считается идеолог и архитектор шокотерапии, лидер партии Демократический выбор России Е.Т.Гайдар. Благодаря его плодовитости по части написания разного рода эссе, мы имеем возможность узнать не только то, каковы ценности современного либерализма в России, но и историю их становления и развития. В этом смысле Е.Гайдар выступает не только как идеолог, но и как историк российского либерализма. Его книги “Государство и эволюция” 1995 г. издания, “Дни поражений и побед” (1996 г.), “Аномалии экономического роста” (1997 г.) и другие построены таким образом, что в них не столько теории, сколько фактического исторического материала о развитии ситуации в постсоветской России или о нашей истории вообще.

Несмотря на исторический крен, который достаточно умело используется автором как доказательная база, идеология современного российского либерализма в работах Е.Гайдара просматривается достаточно четко. Каково же содержание этой идеологии, по Гайдару, и каковы в первую очередь цели либералов? *Это и решение проблем XIX века, заключающиеся в формировании правового государства; и проблем начала XX века, состоящие в искоренении остатков социального и промышленного феодализма, резкой демонополизации экономики, борьбе с фашизмом, другими крайними формами саморазрушительного национализма конца XX века и наступающего XXI века.*

Наряду с этими, или общими для всех проблемами, России, по мнению Гайдара, приходится одновременно решать проблемы уникальные, т.е. характерные только для нее. *Это: формирование среднего класса, осознание обществом и государством идеи легитимности частной собственности и др.*

При этом глобально-историческая альтернатива и сегодняшняя политическая альтернатива состоит, по определению Е.Гайдара, в следующем: *либо очередная бюрократическая приватизация власти, либо, наконец, размыкание замкнутого круга, разделение власти и собственности; либо секуляризация государства, отделение государства от псевдорелигии “государственничества”, либо новое обожествление государства.*

“Если страна войдет в очередной цикл приватизации власти, – утверждает Е.Гайдар, – то закроет себе наглухо путь в “первый мир”. Если удастся “расширить” социально-

экономическое пространство, завершить либерально-демократическую эволюцию государства, тогда Россия имеет все шансы занять достойное место в цивилизации XXI века”¹.

Такая эволюция государства предполагает, что оно должно, “преодолев градации этатизма, обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране; ..., вести активную политику в области борьбы с инфляцией и стимулирования частных (в том числе иностранных) инвестиций, энергично проводить антимонопольную политику; ... брать на себя заботы об экологии, образовании, здравоохранении, развитии науки, культуры, о бедных, нетрудоспособных; ... бороться с уличной преступностью, запугавшей людей, и с мафией, которая во многом определяет экономические процессы в стране, выкручивает невидимую руку рынка; ... ограничить и свой “рэклет”, свои аппетиты по части налогов; ... вести разумную военную политику, провести конверсию главного оплота государственности – ВПК и сокращение армии до размера реальных потребностей страны”².

Таковы цели, задачи и ценности современного российского либерализма в изложении Е.Гайдара. В том или ином виде они легли в основу идейных платформ и программ различных политических партий и общественных объединений правого, либерального толка. В частности “Платформы для объединения”, представленной Е.Гайдаром в середине апреля 1999 г. и рассмотренной I-м съездом коалиции “Правое дело” 29 мая того же года. Союз правых сил (СПС), созданный ровно три месяца спустя, зиждется на том же идейном фундаменте.

Идеология этой платформы вполне согласуется с теми либеральными ценностями, о которых говорилось выше. Это: *“свобода слова, свободные и прямые выборы, единство и федеральное устройство России, частная собственность, открытая рыночная экономика, отмена льгот для бюрократии всех уровней”³.*

Еще летом 1999 г. либералы лелеяли надежду на то, что на такой идейно-политической платформе организуется широкое избирательное объединение правого центра, куда войдут НДР, “Голос России”, “Новая сила”, “Правое дело” и, возможно, “Честь и Родина” А.Лебеда. Реальный же ход событий не оправдал их надежд, что объясняется, на мой взгляд, во-первых, непопулярностью либеральной идеологии среди широкой российской общественности и, во-вторых, нежеланием многих политических деятелей (даже правых) связывать свои имена с именами тех, кого общество считает виновником многих наших сегодняшних бед.

¹ Е.Гайдар. Государство и эволюция. М. 1995. С.201-202.

² Там же. С.189-190.

³ См. Независимая газета, 1999. 15 апреля.

Учитывая эти две причины, на правом фланге идет поиск иной, так сказать, чуть менее либеральной и значит более приемлемой, более привлекательной идейной парадигмы. Одним из ее авторов можно считать лидера “Новой силы”, экс-премьера российского правительства С.В.Кириенко, который сформулировал новую идеологию – *идеологию серьезных перемен в административном управлении страной*. Выступая на Первом Всемирном конгрессе русской прессы, состоявшемся в начале 20-х чисел июня 1999 г. в Москве, Кириенко предложил полностью поменять чиновников, занимающих руководящие федеральные должности, которых в России “не более 50 тысяч человек”. Для этого, по мнению экс-премьера, нужно провести “конкурс на замещение всех высших должностей в стране. Для претворения этой идеи в жизнь движение “Новая сила” приступило к реализации в различных регионах России программы “Золотого кадрового резерва”.

Но “идеологией серьезных перемен в административном управлении страной” дело, разумеется, не ограничивается. На съезде движения “Новая сила”, состоявшемся в конце февраля 1999 г. в Нижнем Новгороде, была принята резолюция, в которой сформулированы основные ценности этого движения. *“Человек, – говорится в резолюции, – может отнести себя к самостоятельному сословию, если он связывает благополучие своей семьи прежде всего со своим трудом, своей собственностью, своей предприимчивостью, своим профессионализмом и т.д.”*

Главные принципы “Новой силы”, утвержденные съездом, таковы: *национальные интересы России, гражданские свободы, рыночная экономика, правовое государство*”⁴.

Другим примером поиска правыми новой либеральной идеологии для России могут служить поиски общественно-политического блока “Голос России” (ГР), во главе которого выступает самарский губернатор К. Титов.

Состоявшаяся 20 апреля 1999 г. учредительная конференция этого блока обсудила его основные цели и задачи в связи с предстоящими выборами в Госдуму. На съезде было объявлено, что стратегической целью экономической политики ГР является *“переход от паразитарной, номенклатурной, олигархической экономики к демократической, социально ориентированной рыночной системе, соответствующей системе истинного предпринимательства”*. Целью ГР является также *“поддержание и приумножение потенциала “нашего среднего класса”, который хоть и растерял свои сбережения, но не свои профессионализм и гражданственность”*⁵.

Прошедшая под лозунгом “нового федерализма” учредительная конференция ГР высветила и следующую важную цель этого движения, повторявшуюся затем неоднократно: *сформировать принципиально новую систему отношений, “суть которых в*

⁴ См. Российская газета. 1999. 26 февраля.

⁵ См. Независимая газета, 1999. 21 апреля.

передаче значительной части административной и экономической компетенции от Центра к регионам”.

К числу современных российских либералов относит себя, как известно, и ЛДПР во главе с В.Жириновским. Ее предвыборная платформа зиждется на пяти основных идеалах, которые составляют основу либерально-демократической идеологии. Это – *либерализм, демократия, справедливость, правопорядок, патриотизм*⁶.

Абстрагируясь от дальнейшего изложения идейных платформ, предлагаемых российскими правыми, отмечу, что все они, хотя и в различной степени, действительно руководствуются либеральными ценностями и уверены в том, что российское общество вполне созрело для того, чтобы принять их. Но так считают далеко не все. Даже на том же правом фланге политического спектра. В частности, молодые российские консерваторы, которые тоже и вполне обоснованно относят себя к правым. О них и пойдет речь ниже.

У истоков современного российского консерватизма

За последние несколько месяцев о российском консерватизме было сказано и написано достаточно много. Связано это было в первую очередь с решением НДР, превращающегося, по мнению руководителя его Исполкома, Е.Н.Трофимова “*из искусственно созданной общественно-политической превращается в реальную политическую организацию*”⁷, взять на вооружение консервативную идеологию и развивать ее применительно к условиям России.

Одним из основных идеологов (если не главным) российского консерватизма стал 33-летний В.А.Рыжков – лидер фракции НДР в Госдуме.

В концептуальном плане философия современного российского консерватизма была сформулирована В.Рыжковым в его выступлении на заседании Программной комиссии НДР 2 апреля 1999 г. и опубликована в №4(38) “НГ–сценарий”, за апрель 1999.

В основу своей идеологии нынешние российские консерваторы положили, по мнению Рыжкова, три ценности: *свободу, развитие и традиции*. Трактовка каждой из этих ценностей имеет свои важные особенности, достаточно подробно излагаются в упомянутой публикации, равно как в других. В частности, в интервью газете “Известия” 30 июля 1999 г.

В сжатом виде ценности российских консерваторов опять же в интерпретации В.Рыжкова выглядят следующим образом: “*Общественные: свобода печати, слова, собрания, митингов, вероисповедания. Вечные... Частная собственность ставится нами во главу угла всей экономики, в то же время государство должно железной рукой собирать налоги и бороться с теневой экономикой. Разумеется, государство не определяет цены и не решает, как и что производить. Низкие налоги и благоприятные условия для открытия и ведения “своего дела”. Под “своим делом” консерваторы имеют*

⁶ Подробнее по этому вопросу см. НГ-Сценарии. 1999. №6.

ввиду не только предпринимательство, но и труд врача, учителя, журналиста – любого квалифицированного и честного специалиста. Необходимо вернуть в общество высокую деловую этику”.

Что касается традиции, то в изложении российских консерваторов это: *“патриотизм, государство, религия, семья, язык, культура... И, конечно, история”.*

Такой взгляд на консервативные ценности был еще раз подтвержден на VI съезде движения НДР, состоявшемся в 20-х числах апреля 1999 г.⁸ и утвердившим новую программу движения, работу над которой возглавлял все тот же В.Рыжков, равно как на VII съезде НДР, проходившем в самом конце августа того же года, а также на “круглом столе”, который был организован Исполкомом НДР в конце июля того же года. На этом “круглом столе” отмечалось, в частности, что “знаковые, риторические фигуры для консерваторов – это “стабильность” и “порядок”, которые помогут защитить “маленького человека”. К его нуждам, потребностям и тревогам всегда апеллировали идеологи консерватизма⁹.

Ценности НДР, к которым В.Рыжков относит, кроме названных выше, еще и *“ценности сильного некоррупцированного государства, свободной либеральной рыночной экономики и политических свобод в рамках нормального гражданского общества”¹⁰*, привлекут, как надеются НДРовцы, к этому движению избирателей и послужат прохождению их кандидатов в Госдуму.

Таковы постулаты нового российского консерватизма в изложении лидеров НДР. Постулаты, которые, по утверждению Рыжкова, призваны преодолеть *“роковое для XX века противоречие между демократами и коммунистами”.*

Преодоление это видится Рыжкову следующим образом. С демократами консерваторы сходятся *“в признании ценности свободы как величайшей ценности человечества”.* Однако консерваторы *“модернизируют эту ценность, говоря, что свобода – это не тот либеральный фетиш, поклоняясь которому ты можешь быть разрушителем морали, можешь отрицать все: такой свободы мы не приемлем”.* “Мы, – продолжает Рыжков, – за свободу, основанную на моральном законе. Мы отнюдь не отрицаем формальную свободу, но считаем, что формальная свобода должна стоять на очень серьезном нравственном фундаменте”.

С коммунистами у консерваторов всего лишь один пункт согласия – государство должно быть сильным.

Роковое противоречие между демократами и коммунистами снимается не только по двум вышеизложенным моментам, но и через понимание традиции: консерваторы не

⁷ См. Российская газета. 1999. 05 августа.

⁸ См. Российская газета. 1999. 23 апреля.

⁹ См. Российская газета. 1999. 02 августа.

¹⁰ См. Российская газета. 1999. 30 августа.

разрывают *“отечественную историю на куски, подобно либералам, для которых она существует только до 1917 года, или коммунистам, которые начинают летоисчисление с Октябрьской революции”*. Рассматривая российскую историю как единую, целостную, со всеми ее великими достижениями, великими испытаниями и ошибками, консерваторы считают одним из ее главных принципов – преемственность.

В концепции В.Рыжкова и идеологии современного российского консерватизма немало противоречивого. В первую очередь это то, что в ней он пытается соединить несоединимое, или как говорил поэт, *“впрячь в одну телегу коня и трепетную лань”*. Стыковкой или признанием отдельных частей идеологии либерализма и коммунизма, как и признанием преемственности российской истории, еще нельзя устранить противоречие имманентно присущее им или снять принципиальные различия между дооктябрьским периодом нашей истории и послеоктябрьским. Так противоречия или различия не снимают. И ради чего это делать? Чтобы примирить либералов и коммунистов, богатых с бедными, всех со всеми?

В жизни такого примирения все равно не достичь, сколько не призывай *“жить дружно”*. Социальный мир достигается не призывами к миру, а реальной ликвидацией пропасти неблагополучия между классами и слоями общества.

Во-вторых, предлагая новый консерватизм, Рыжков весьма идеализирует то общество, в котором живет, наивно полагая, что в нем может соединиться новое, т.е. либеральное представление о свободе, с представлением о свободе, основанном на христианской морали.

Стремление соединить несоединимое относится и к следующим двум ценностям – развитию и традиции. Что значит, в частности, следование *“естественному ходу вещей”*, если проведение радикальных реформ изначально нацелено на нарушение этого хода и на тотальные перемены. И что вообще значит *“естественный ход вещей”*? Это требует разъяснения. Иначе это можно понять как неизменность.

Наконец, в-третьих, какой консерватизм, какие традиции В.Рыжков собирает, так сказать, консервировать, сохранять? К какому консерватизму он апеллирует? К консерватизму царской России или к советскому консерватизму? Ведь образовался и такой, и это надо признать. Да, люди привыкли ко многому из того, что культивировалось при социализме (и хорошему, и плохому) и ностальгируют по давно уже привычному бесплатному образованию, доступному медицинскому обслуживанию, постоянной работе, невысоким, но стабильным пенсиям и многому другому, что давало чувство социальной защищенности и уверенности в будущем. Разве можно оценивать такой консерватизм как неподходящий или не пригодный для нашей сегодняшней жизни? Думаю, что нет. Это вполне здоровый нормальный консерватизм.

Обобщая и говоря коротко, *новый российский консерватизм* в интерпретации В.Рыжкова – не более чем, *идеализм, который*, кстати говоря, не отрицает и сам Рыжков. К примеру, в том же интервью газете “Известия” 30 июля 1999 г., на которое я уже ссылался выше.

* * *

Круг российских консерваторов, конечно же, не ограничивается В Рыжковым. К числу консерваторов себя относит немало других политических и общественных деятелей. Один из них – известный ученый-политолог, политик, депутат Госдумы 1993–1995 годов, председатель подкомитета по международной безопасности и контролю над вооружениями, президент фонда “Политика”, руководитель или участник многих других структур, связанных с политикой, В.А.Никонов и многие другие. В 1999 г. он даже издал почти 900 страничную книгу “Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора”, в которой весьма подробно изложено его консервативное кредо.

Кроме тех сил, которые вступили на консервативную тропу совсем недавно и являются, так сказать, *младоконсерваторами*, в сегодняшней России действуют и такие консервативные силы, которые называют себя в той или иной мере наследниками консерваторов императорской России. Это: “Консервативное движение России”, “Консервативная партия России”, “Общероссийский земский союз “Земство”, “Российское земское движение” и некоторые другие. В их программные цели входит восстановление консервативных начал российской жизни дооктябрьского периода, в частности, монархического устройства, роли православной церкви и пр. Современные младоконсерваторы, как можно было видеть выше, никак не обозначают свое родство со своими российскими предшественниками, а скорее подчеркивают свое родство с западными сородичами.

Закljučая краткий обзор современного российского консерватизма, замечу, что то представление об этой идеологии, которое было изложено выше и которое исповедуется нашими младоконсерваторами, вполне согласуется с тем, которое отстаивает “Консервативное движение” – предвыборный блок, образовавшийся вокруг Консервативной партии России (КПР) во главе с Львом Убожко. В начале апреля 1999 г. вокруг этой партии объединилось около трех десятков партий и движений консервативного толка, заявившие, что они отстаивают следующие ценности: *“человек, семья, здоровье, образование, наука, культура, права человека, частная собственность, всяческая поддержка отечественных товаропроизводителей, среднего класса, национальных культурных традиций, законности и порядка”*¹¹.

Некоторые выводы

¹¹ См. Независимая газета. 1999. 03 апреля.

1. В течение многих веков общество и государство в России руководствовались национальной идеологией, основанной на православии, патриотизме и верховенстве самодержавной власти. Национальные идеи, менявшиеся время от времени, были не только тесно связаны с этой идеологией, а прямо вытекали из нее.

2. По мере социально-экономического развития вызревала и усиливалась объективная потребность в светской политической идеологии. Ее формирование в России началось значительно позднее, чем на Западе и под его сильным влиянием.

3. В то время как на Западе политические идеологии не только развивались, но и постепенно утверждались в общественной и государственной жизни по мере развития и утверждения на политической сцене тех сил, которые эти политические идеологии взяли на вооружение, в России картина была обратной. Здесь ни политические идеологии не получили достаточного развития, ни политические силы, их исповедующие. Воспринимавшиеся не только как оппозиционные, но и как враждебные по отношению к господствовавшей официальной государственной идеологии, эти идеологии преследовались и подавлялись правящими властями не только в царские, но и в советские времена.

4. Поиски современной политической идеологии, возобновившиеся в начале 90-х годов XX в. после длительного перерыва, идут в России трудно. По-иному и не может быть, поскольку такой масштабный поиск происходит впервые в нашей истории. Те государственные идеологии, которые господствовали в России в самодержавный период, а затем в советское время, были вне критики и конкуренции. При них таких поисков, какие ведутся сейчас, не могло быть по определению.

5. Наиболее интенсивная работа по созданию современных политических идеологий ведется на правом фланге политического спектра, в частности, на нивах либерализма и консерватизма. На левом же фланге активность проявляет социал-демократия. Другие идейно-политические течения используют главным образом традиционные для них идеологии, уповая, очевидно, на их фундаментальность.

6. В то время как идеология современных российских либералов практически мало чем отличается от идеологии их западных единомышленников, идеология наших консерваторов весьма отличается от западных аналогов.

7. Социальная база всех новых российских идеологий весьма ограничена, что объясняется главным образом нынешним состоянием российского общества. В целом можно считать, что нынешнее российское общество и в том числе основная часть наших элит деидеологизированы и ориентируются сугубо на экономические и хозяйственные дела.

8. Отсутствие мощного трансклассового среднего класса в России всегда вело к тому, что общественная почва здесь была благоприятна для развития и утверждения радикальных и даже экстремистских идеологий (коммунистической, националистической, фундаменталистских) и тех политических сил, которые были ими вооружены.

9. Если исходить из того, что идеологии либерализма и консерватизма исторически формировались как мировоззрения главным образом имущих классов и их политических сил, а социал-демократическая идеология как мировоззрение преимущественно среднего класса, то можно будет констатировать, что все эти идеологии и политические силы, стоящие за ними, имеют в сегодняшней России слабую базу. По этой причине в ближайшие годы более благоприятные перспективы у нас имеют те идеологии и те политические силы, которые базируются на радикализме. Чем сложнее ситуация, чем труднее жить людям, тем больше шансов для разного рода радикалов внедрять в общественное сознание свои взгляды, добиваться популярности и общественной поддержки, в том числе на различного рода выборах.